

DOI 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-23-32

УДК 327(574)

Алтайы Иранбеккызы Оразбаева

Казахстанский филиал МГУ имени М. В. Ломоносова

г. Астана, Республика Казахстан

ORCID 0009-0002-0408-6836

E-mail: altaiyorazbayeva@gmail.com

О традициях степной дипломатии (на примере истории Казахстана)

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены проблемы специфики войны и мира кочевников Евразии на примере истории Казахстана. Согласно мнению автора, каждому народу, обществу, государству присущи самобытные конкретно-исторические черты характера, свои разновидности войн, пути и методы достижения мира, наряду с пояснением причин внутренних и внешних противостояний служащие индикатором состоятельности, сплоченности и единства того или иного социума. Народная дипломатия казахов, унаследовавшая богатые традиции степной дипломатии, начинается с вручения послам из Восточного Рима грамот Атиллы; посольств между китайскими императорами и усуньскими гуньюмо, сведения о которых отразились в китайских хрониках; следовавших затем в эпоху Тюркского каганата серий посольств между тюрками и иранцами, согдийцами, византийцами, с дипломатии Йеке Монгол Улуса, Улуг Улуса, империи Тимура, официально возведенных в ранг основных положений правовых норм посольских обычаев собственно казахских ханов с соседними государствами. Степной дипломатической практике были равно присущи известные европейским и азиатским формам дипломатии протокол и этикет, дипломатический церемониал, методы и средства, институты дипломатической службы. Углубленное познание и справедливая научно обоснованная трактовка различных вариаций форм, видов, типов феноменов войны и мира в кочевой среде казахов поможет по-новому оценить особенности строительства внешнеполитического аспекта государственности *Қазақ Елі*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственность, война, мир, степная дипломатия, кочевники Евразии, посольский обычай

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Оразбаева А. И. О традициях степной дипломатии (на примере истории Казахстана). *Кунсткамера*. 2023. 3(21): 23–32. doi 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-23-32

Altaiy Orazbayeva

Kazakhstan branch of the Lomonosov Moscow State University

Kazakhstan, Astana

ORCID 0009-0002-0408-6836

E-mail: altaiyorazbayeva@gmail.com

On the Traditions of Steppe Diplomacy (Based on the Example of the History of Kazakhstan)

ABSTRACT. This Article examines theoretical aspects of the specifics of peace and war of the Eurasian nomads based on the example of the history of Kazakhstan. According to the author's opinion, each nation, society, state has its own specific historical character traits, its own types of wars, ways and methods of achieving peace, along with an explanation of the causes of internal and external confrontations, which serve as an indicator of the consistency, cohesion and unity of any society. Folk diplomacy of Kazakhs, which inherited rich traditions of steppe diplomacy, originated from the letters of Atilla presented to ambassadors from Eastern Rome, recorded in the Chinese chronicles of embassies between Chinese emperors and Wusun Gunmo in the ancient times. Then followed in the era of the Turkic Kaganate series of embassies between Turks and Iranians, Sogdians, Byzantines, who further absorbed the arsenal of diplomacy Yeke Mongol Ulus, Ulug Ulus, Timur's empire, officially elevated to the rank of the basic provisions of legal norms of ambassadorial customs. In-depth knowledge and fair scientifically grounded interpretation of different variations of forms, kinds, types of the phenomenon of "war" and "peace" in the nomadic environment of Kazakhs could help to evaluate in a new way the peculiarities of the construction of the foreign policy aspect of the statehood of the Kazakh Eli with neighboring states.

KEY WORDS: statehood, war, peace, steppe diplomacy, Eurasian nomads, embassy custom

FOR CITATION: Orazbayeva A. On the Traditions of Steppe Diplomacy (Based on the Example of the History of Kazakhstan). *Kunstkamera*. 2023. 3(21): 23–32. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-23-32

Исходя из определения понятия «дипломатия», подразумевающего совокупность стратегий и практик по реализации внешней политики определенного государства, остановимся на проблемах специфики войны и мира у кочевников Евразии на примере истории Казахстана.

Начиная с военно-стратегических трактатов древнекитайских теоретиков и полководцев Сунь-цзы и У-цзы, проблемы войны и мира во все времена находились в фокусе внимания исследователей. Так, к числу фундаментальных трудов в этой области можно отнести работы видных военных теоретиков (Сравнительное изучение цивилизаций...): прусского генерала К. Клаузевица, американских ученых К. Оттербейна, С. Гриффита, К. Райта, британского цивилиста А. Тойнби, французских мыслителей М. Ревона и Р. Арона, русских исследователей В. Ф. Машиновского, Н. Конрада и многих других. Кроме того, о наличии солидной источниковой и цивилизационной базы рассматриваемой проблематики свидетельствует разнообразие подходов к сущности войны (Оразбаева 2017: 168) — перечислим здесь основные подходы: структурно-функциональный (Р. Арон, П. Аснер, В. Шнирельман); формационный (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин); социокультурный или цивилизационный (П. Сорокин, К. Райт, А. Тойнби); культурологический (Л. Уайт, Й. Хейзинга, Т. Шеллинг, Х. Хофмайстер); психологический (З. Фрейд, К. Лоренц, Г. Зиммель); политический (К. Клаузевиц, Л. Ранке); геополитический (К. Хаусхофер, Дж. Киффер, С. Хантингтон); демографический (Т. Мальтус, Г. Бутуа); социологический (Э. Кер, Х.-У. Велер); экономический (В. Вильсон, Э. Фромм); космополитический (Н. Энджел, С. Стречи, Дж. Дьюи); междисциплинарный подход (Г. Бутуль, Б. Реллинг, Ф. Форнари).

Поистине война — уникальное, многомерное социополитическое, социокультурное, геополитическое, геоэкономическое явление — имеет непосредственное отношение к человеку и его деятельности, обществу и государству.

Так, согласно утверждениям знатоков в области полемологии, всякая война неповторима и своеобразна. Она имеет свои лицо и характер, почерк, характерна для своей эпохи, обладает уникальными конкретными историческими предпосылками, условиями, имеет реальные начала и пределы своего развития, функции в общественной практике, в цивилизационном процессе. Соответственно для каждого народа, государства, общества присуща собственная война наряду с пояснением причин внутренних и внешних противостояний, состояния и состоятельности государства, служащих индикатором сплоченности и единства того или иного социума. Сказанное имеет отношение и к истории Казахстана, состоящей из многочисленных войн, побед и поражений.

Следовательно, углубленное познание и справедливая научно обоснованная трактовка различных вариаций форм, видов, типов феноменов войны и мира поможет по-новому оценить особенности строительства внешнеполитического аспекта казахской государственности, унаследовавшей традиции степной дипломатии и толерантности к окружающему миру.

Несмотря на неоднозначность оценки исторической роли ранних и поздних кочевников Евразии, в том числе кочевых политий на территории Казахстана, в мировой истории, их взаимодействие с Западом и Востоком, вовлеченность пространства Великой степи (Скифии — Турана — Дешт-Кыпчака) в эпицентр глобальных процессов древности и Средневековья — исторический факт.

Известно, что в древности из гуннских войск *атты ел* (страны всадников или конниц) состояла армия Китая, наемные кочевники участвовали в войнах персов и византийцев, в Средневековье кыпчаки-легионеры, иначе называемые «люди меча», служили в военной гвардии Киевской Руси, Византии, Венгрии, Болгарии, Грузии, Китая. Так, согласно мнению современных зарубежных военных теоретиков, только европейские рыцари и ближневосточные мамлюки могли сравниться с воинами-кочевниками Евразии (Smith, Masson 1997; Amitai-Preiss 1995). Но было это желанием кочевого социума или исходило из амбиций правителей социополитических образований на территории Казахстана того времени — вот главный вопрос, на который необходимо ответить при анализе традиций степной дипломатии.

Прежде всего отметим: образ кентавра, возникавший перед глазами чужеземца при представлении кочевника-степняка-всадника-воина, в силу кочевого образа жизни уже с рождения

обладавшего военными навыками, полного динамизма, импульсивного, вольного, свободолюбивого (что и отражено в этнониме *қазақ*), всегда вселял тревогу, страх, наводил ужас. И это естественно, поскольку и отсутствие достоверной информации, и незнание либо сознательное нежелание понимать других, чужих правил и норм жизни, закономерностей развития другого мира всегда способствовало распространению мифов, легенд, давало волю фантазиям.

Война была не прихотью кочевника, а необходимостью, вызванной потребностью обеспечивать себе основной источник жизнедеятельности — скот, жнивья, пастбища. Соответственно нужда в обеспечении и сохранении собственных ценностей мотивировала кочевников на проявление подобной воинственности. Трудно не согласиться с тем, что при имевших место в древности и Средневековье военных столкновениях кочевники Евразии не ставили перед собой задачу завоевания чужих земель, по сути, их особо не прельщал и захват политической власти. Ими двигали скорее проблемы, связанные с экономической выгодой: «Аттила, арбитр Римской империи, не уходил дальше равнин Венгрии. Как волк, который был его эмблемой и его любимым животным, этот настоящий кочевник, разумный человек, должен был бродить по окраинам цивилизации, чтобы прокормиться, не смея пойти дальше» (Рахманалиев 2009: 123). Действительно, при всей свирепости вторжений кочевников содержит ли всемирная история факт духовной экспансии кочевников Евразии, нашедшей свое отражение в искажении социокультурных ценностей: языка, письменности, религии, традиций завоеванных ими народов?

В силу приверженности тюрков традиционному ремеслу своих предков *ата кәсібі* (металлургии, коневодству) военное искусство и военная стратегия конниц кочевников Евразии была доведена до совершенства.

Ни один оседлый народ не имел достаточно пастбищ для крупных стад. Вот почему так часто кочевники предпочитали грабить такие земли, но не селиться на них, зная, что рано или поздно им придется ассимилироваться с местным населением или уйти оттуда по причине не столько «изнеживающей» цивилизации, сколько из-за утраты орудия их завоеваний — конницы. Кочевник брал с собой на войну минимум две-три лошади, что позволяло ему всегда иметь свежего коня, 900 тыс. лошадей было более чем достаточно для армии численностью в 300 тыс. воинов, а это была огромная армия для того времени (Рахманалиев 2009: 122–123).

Безусловно, контекстуальный анализ категории «война» применительно к истории Казахстана не может быть осуществлен в отрыве от монгольского компонента и без его учета. Безотносительно к имеющимся разночтениям по поводу присутствия «монгольского фактора» во всемирной истории можно смело констатировать факт преобладания и усовершенствования политической технологии степной демократии в Улуг Улусе. Так в согласии пусть и с несколько иной в этнокультурном аспекте, но все же близкой по духу «настройкой» продолжили свое развитие толерантная культура и менталитет тюрков-кочевников.

Несмотря на элитарную ориентацию страгегемы чингизидов, сами монголы занимали лидирующие позиции лишь в вертикальной социальной структуре новообразованных улусов на территории Казахстана. Тогда как состоящее на 3/4 из тюркских племен (таких как *қыпшақ, қаңлы, найман, керей, үйсін, аргын* и др.) войско хана Бату в средневековых источниках часто именовалось кыпчакским. Следовательно, при осмыслении природы монгольских традиций государственности в Степи колоссальную значимость обретает познание внутренних механизмов коадаптации, толерантности, ассимиляции, коэволюции, интеграции привнесенного извне и местных социополитических конструкций. Имплементацию аналогичных процессов в истории Казахстана мы наблюдаем на атрибутивном примере менеджмента хана Жошы и его потомков.

Йеке Монгол Улус, созданная на острие меча, выучке коней и величии Темучина, была единственной в своем роде империей, подчинившей все и вся капризам ее величества Войны. После смерти Темучина изначально исходившие из приоритетов военного формата государственное

устройство, социальное пространство, экономика, быт, право, закон и другие сферы в улусах его потомков еще долго оставались неизменными.

Как нам представляется, основное внимание при изучении феномена войны в кочевом обществе должно быть сфокусировано не столько на сравнении и приравнивании масштабов, причин, поводов имевших место военных столкновений в Степи с мировыми образцами вооруженных акций, а, наоборот, на анализе их различий и особенностей. Поскольку здесь непосредственной причиной конфликтов выступали не привычные для западных моделей военных акций политика и интересы классов, а скорее защита своего рода-племени, не война, а скорее борьба за расширение пастбищ, не захват и овладение чужими ценностями, а охрана и защита собственных, существующих традиционным типам обществ:

Вытеснение врага с «территории» законов своего рода в целях обоснования готовности пренебречь выработанными своей культурой запретами является, по всей очевидности, вневременным поведенческим стереотипом. Изменчивой остается лишь конструкция чужого, который исключается из ценностного сообщества и теряет культурно-правовую защиту, т. е. выходит за рамки правил, продолжающих действовать в сообществе и в период войны (Лангевише 2001: 12).

Помимо противостояния Ирана и Турана, империи Хань и Хунну, вторжения Атиллы в Западную Римскую империю, увенчанного знаменитой Каталаунской битвой, а также других известных и малоизвестных «кровопролитных», «разрушительных», по оценке внешних источников, военных походов древних кочевников и монголов, в анналах военной истории племен и родов собственно казахского народа содержатся в основном не завоевательные войны в классическом значении этого понятия, а героические бои, битвы и сражения оборонительного, освободительного характера, будь то участие карлуков в битве под Атлахом против арабов и китайцев или же отчаянное сопротивление местного населения при крушении Отырара, Сыганака, Ашнаса, Узкента, а также движение кыпчака Бачмана против насилия монголов, серия битв против джунгарских войск (*Орбұлақ, Бұланты, Аңырақай* и др.).

Своеобразие мышления, связанное с созерцательным отношением к окружающей природе, толерантное отношение к внешнему миру, *қазаққа тән қоңыр мінез* — спокойствие, умиротворенность, присущие казахам-кочевникам, объясняют отсутствие выраженных форм агрессии и насилия во внешнеполитическом аспекте казахской государственности (Оразбаева 2017: 103). Об этом же свидетельствует изобилие примеров межэтнической, межкультурной, межконфессиональной, гендерной толерантности в истории Казахстана. Кроме того, бесспорна приверженность государственных образований на его территории к идеям демократии, меритократии, геронтократии, евразийства, содружества, единства и согласия. И как результат, этническое многообразие в независимом Казахстане стало фактором не расслоения и дезинтеграции общества, а, напротив, его духовного обогащения и успешного поступательного развития.

Исходя из обозначенного методологического посыла, перейдем к разбору заявленной темы, к традициям степной дипломатии. Как у каждой войны, всякому миру свойственны собственные конкретно-исторические черты, пути и методы его достижения. Народная дипломатия казахов унаследовала богатые традиции степной дипломатии, берущие начало еще с врученных послам из Восточного Рима грамот Атиллы, запечатленных в китайских хрониках посольств между китайскими императорами и усуньскими гуньмо, затем последовавших в эпоху Тюркского каганата серий посольств между тюрками и иранцами, согдийцами, византийцами, далее вобравших в себя арсенал дипломатии Йеке Монгол Улуса, Улуг Улуса, империи Тимура, официально вознесенных в ранг основных положений правовых норм посольских обычаев собственно казахских ханов.

На основании фундаментальных работ отечественных исследователей в данной области (Хафизова 1995; Абусейтова 1998; Мажиденова 2005) можно также смело утверждать, что степной дипломатической практике были равно присущи известные европейским и азиатским формам

дипломатии протокол и этикет, дипломатический церемониал, методы и средства, институты дипломатической службы.

Безусловно, присутствовали и особенности в посольских обычаях кочевников-казахов: прибывшее посольство должно было остановиться на расстоянии одного дня пути до ставки хана, соблюдать строгий протокол при входе в юрту хана, оставлять оружие, плетть у *босага* (порога юрты), вручать грамоту, подарки не в руки хану, а его толмачу и приближенным. Обычно кочевники старались не присутствовать на религиозных торжествах, устраиваемых в церквях, храмах. Были случаи, когда казахские послы, ссылаясь на общепринятый в восточных странах этикет, отказывались снимать головной убор на аудиенции при царском дворе:

По обычаям же кочевников требование расспрашивать о здоровье императора с непокрытой головой, напротив, выражало вопиющее неуважение. <...> Неудивительно, что вопрос о головном уборе при аудиенции у царя оставался камнем преткновения дипломатического церемониала почти 200 с лишним лет отношений России с восточными странами (Хафизова 2015: 228).

Исследователями отмечается схожесть церемоний посольских приемов казахов и джунгар: организация различных состояний батыров, мергенов, соревнований обжор — кто съест быстрее тушу барана. Отдельным ритуалами служили распитие кумыса, шубата, *асату* (угощение гостей мясом с рук хозяев) и пр. Однако надо понимать, что не все переговоры заканчивались дружелюбно, в зависимости от уровня и степени близости взаимоотношений между государствами перестраивались риторика, поведение сторон, размах приема и его эмоциональный фон.

В процессе установления взаимосвязи с «внешним миром» степные правители искусно использовали такие дипломатические методы, как заключение междинастийных браков, обычаи побратимости *аңда*, *тамыр*, представления *аманатов*, обмен подарками, подношение *тогыз* (девятик), выплата дани, чуть позже это были договоры, достигнутые посредством клятв или пожалования права сбора налогов с определенной территории и пр.

Из приводимого перечня путей достижения мира, пожалуй, самой древней и распространенной формой для степной дипломатии выступает брачный союз. Так, до нас дошла песня-плач (в источниках на казахском языке встречается под названием *Аққу*, см.: Қазақтың көне тарихы 1993: 73) китайской принцессы, выданной замуж в качестве младшей жены усуньского гуньмо, записанная в Хань Шу:

Выдали меня родственники в дальнюю сторону;
Отвезли в чужое царство за усуньского царя;
Живет в круглой хижине, обтянутой войлоками,
Питается мясом, пьет молоко.
Как вспомню об отчизне, — сердце занывает.
Желала бы белым лебедем быть, чтоб возвратиться на родину!

Известен исторический сюжет, связанный с посольством византийского полководца *Земарха*, *просившего* руки дочери Истеми ябгу-кагана в 568 г. Вот что пишет ранневизантийский историк VI в. Менандр Протектор:

Относительно Земарха, который еще там находился, Дизавул [Истеми] думал, что вместе с ним Земарх и двенадцать слуг и спутников выступят в поход против персов, а все другие ромеи вернутся в страну Холиатов [Хорезма] и будут там ждать возвращения Земарха. Он [Дизавул], показав дарами свое расположение, отпустил их; Земарха же угостил рабыней, родом из земель так называемых херхизов [киргизов]. И Земарх вместе с Дизавулом пошли воевать с персами. Когда путешествие подходило к завершению, в местности под названием Талас, остановившись для отдыха, встретили персидского посла к Дизавулу. И вместе были приглашены к нему послы ромеев и персов для угощения. Присутствуя сам, Дизавул ромеям оказывал большее уважение и посадил их на лучшие места. Относительно персов он имел много нареканий, потому что

несправедливо пострадал от них, по этой причине и шел на них войной (цит. по: Жданович 2014: 12).

В этом же ряду можно назвать имя половецкой княжны Елизаветы (Эржбеты) Куманской, выданной замуж за короля Венгрии Иштвана (Стефана) V и ставшей в последующем регентшей Венгрии в 1272–1277 гг. до совершеннолетия своего сына Ласло IV Куна. Ее внучка Клеменция стала супругой короля Франции и Наварры Людовика X. Кроме того, нам известны грузинская королева кыпчакских кровей Гурандухт, а также дюжина половецких принцесс, выданных замуж за русских князей (Селезнев 2019).

По мнению известного казахстанского ученого академика Б. Е. Кумекова, кыпчакская диаспора численностью от 250 до 600 тысяч человек могла выставить в боях около 40 тысяч человек, она впервые появляется на территории Грузии в 1118–1120 гг. в период сбора знаменитым царем Грузии Давидом IV Строителем грузинских и армянских земель под своим началом. В 1125 г. на поле Дидгори недалеко от Тифлиса произошло сражение между арабами и объединенной осетино-грузино-армяно-кыпчакской армией, в которой первые потерпели унизительное поражение. По всей Грузии-Армении пограничные территории охранялись кыпчакскими отрядами, а шатер хана кыпчаков Артыка, чьей дочерью была будущая жена Давида, располагался в самом Тифлисе. Царь Давид в качестве жеста доброй воли не только женился на Гурандухт, принцессе кыпчакской царственной семьи, но и дал каждой кыпчакской семье по земельному участку (Кумеков 1974: 41).

Что касается русско-половецких родственных связей, то из числа потомков одиннадцати идентифицированных на сегодня браков между русскими князьями и половчанками российский исследователь Ю. В. Селезнев приводит имена 21 ребенка, которые приходились внуками также для половецких правителей (Селезнев 2019: 235–237).

В контексте затрагиваемой гендерной картины уместно было бы подчеркнуть и изначальную, природную наделенность женщин Степи особым даром к дипломатии и политике. Ярким примером служит своеобразная галерея женщин Степи, являвшихся эталоном сочетания ума и красоты, начиная от сакских цариц Томирис, Зарины до собственно казахских Карашаш, Бопай ханым, Айганым, Фатима ханша и др. Так, по сведениям исторических преданий казахов Младшего жуза, «ханша Бопай отличалась глубоким, совсем на женском умом, сильнейшим характером, не лишённым немалой доли властолюбия, определенной независимости в суждениях и поступках и в то же время врожденным политическим тактом» (Ерофеева 2007: 388).

О глубокой и богатой содержательности традиций степной дипломатии свидетельствуют строки Жусупа Баласагуни, посвященные послам:

Быть мудрым, степенным послу надлежит,
Он должен быть в мудрости слов даровит.
Он должен все тонкости слов превзойти —
Уметь и пропащее дело спасти.
Посол должен предан быть, сердцем широк,
В делах безупречен и в честности строг.
Корыстный — невольник корысти своей,
И должность посла — не для жадных людей.
И если посол прозорлив и смышлен,
У бека — пора благодатных времен.
А если посол неудачлив и худ,
Его властелина хвалой не почтут.
Посол должен быть мужем доблестных дел,
Тогда он в деяньях удачлив и смел.
И надо быть ладным с лица и на вид:

Послу отличаться от всех надлежит.
 И должен быть мягким и сладким язык —
 Смягчаться от слов твоих мал и велик.
 Пошли его смело в любой дальний дол:
 Чужбина не близко, да близок посол (Юсуф Баласагунский 2007: 210–214).

В качестве главных фигурантов дипломатической практики в казахском обществе можно рассматривать представителей института казахских биев, которые мастерски владели ораторским искусством и обладали даром убеждения посредством воздействия силы слова — *Сөз патшалығы*. В ставший для казахов особенно драматичным XVIII в. именно биям выпала доля защищать интересы своего народа и выступать в роли переговорщиков и дипломатов (Оразбаева 2005). Блестящим примером риторики степной дипломатии может служить знаменитая речь Казыбек би, произнесенная в ставке джунгарского хонтайджи, превратившаяся со временем в предмет гордости и гимн казахов:

Мы, казахи, скотоводы — сирый народ. Чтоб не покинуло нас счастье, чтоб миновали все ненастья, мы пики грозные перьями филина украшаем. Перед злым врагом головы не склоняем, словом бранным уста не оскверняем. Дружбу верную почитаем высоко, добром отвечаем на добро, а коль потребуется — и с хана надменного спесь сбиваем. У отца родится сын — не быть ему рабом, у матери родится дочь — не быть ей рабыней! Не загнать тебе детей и внуков наших в темноту неволи! Ты — джунгарин, я — казах, схлестнемся — быть беде: ты — железо, я — огонь, расплавишься в огне. К тебе, в твой край я прибыл с распахнутой душой, к несчастью ведут вражда и разбой. Ты — тигр, я — лев, к чему кровавая сеча? Коль дружбы желаешь — верного друга найдешь, коль надумал враждовать — бури пожнешь.

В период казахского ханства одним из распространенных дипломатических актов выступали мирные договоры, которым предшествовали предварительные переговоры по согласованию текста документов. На основании анализа источников профессор М. Х. Абусеитова (2020: 184–185) выделяет следующие три вида договоров:

Первый вид предполагает достижение мира при условии выступления хана со всем войском на стороне своего партнера. Возможна и частичная военная поддержка... Второй вид договоров предусматривает выплату дани. Упоминается особый вид мирного договора, который подкрепляется брачным союзом, а платежи предусматриваются лишь в будущем. Третий вид договоров связан с определенными уступками территории или права сбора налогов.

Что касается практики обмена подарками, присущей посольским обычаям многих стран, то казахи в дар преподносили чаще всего породистых коней: «Двух лошадей от вас посланных мы получили и с удовольствием приняли. Напротив того, и мы в знак нашей к вам дружбы... посылаем вам на кафтан сукна кармазинного пять аршин и на шапку черную лисицу», — пишет Аблау оренбургский генерал-губернатор Неплюев (Сулейменов, Басин 1981: 195). Таких примеров множество.

Отдельного внимания требует изучение института *аманатства* (заложничества), который широко практиковался между казахскими правителями и соседними государствами, в том числе Россией. Еще с эпохи древности известны факты об обмене аманатами между канглы, сюнну, тюрками с Ханьской, Танской, позже Минской, Цинской династиями Китая. Посредством данного института не только решались стратегические, торгово-экономические вопросы, но и «заложники исполняли в какой-то степени и функции консульства: сообщали информацию, знакомили своего правителя с обстановкой в стране и при дворе, проявляли заботу о приезжавших соотечественниках, встречали и провожали их, боролись за их интересы» (Хафизова 1995: 182).

Лишь малая часть примеров из истории Казахстана, приведенных в статье, наглядно демонстрирует многочисленные аспекты богатой традиции степной дипломатии. Обозначенные проблемы

специфики войны и мира, политической культуры и посольских обычаев, протокола и этикета, дипломатического церемониала, институтов дипслужбы кочевников Евразии все еще требуют серьезных научных изысканий и основательных исследований в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абусейтова М. Х. Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. Алматы: Дайк-Пресс, 1998.
- Абусейтова М. Х. Казахское ханство. Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020.
- Жданович О. П. Посольство Земарха в ставку Тюркского кагана (пер. и коммент. фрагментов труда Менандра Протектора) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 6–20.
- Ерофеева И. В. Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.
- Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972.
- Қазақтың көне тарихы / под ред. М. Кани. Алматы: Жалын, 1993. (На казах. яз.)
- Лангевитше Д. Что такое война? Эволюция феномена войны и ее легитимность в новое время // *Ab Imperio*. 2001. № 4. С. 7–28.
- Мажиденова Д. М. Дипломатическая служба в контексте мировой политики (с древнейших времен до Венского регламента). Астана: Күлтегін, 2003.
- Оразбаева А. И. Дәстүрлі қазақ қоғамына тән билер институты. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. (На казах. яз.)
- Оразбаева А. И. Формула казахской государственности. М.: Press-book, 2017.
- Оразбаева А. И. Философия войны кочевников Евразии // *Edu.e-history.kz*. 2017. № 3 (11). С. 166–176.
- Рахманалиев Р. Империя тюрков. Великая цивилизация. М.: Рипол классик, 2009.
- Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост., ред. и вступ. ст. Б. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 2001.
- Селезнев Ю. В. Русские внуки половецких князей (к вопросу о половецких родственных связях в политической борьбе на Руси в XI — первой половине XIII в.) // Золотоордынское обозрение. 2019. № 7 (2). С. 225–238.
- Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII — начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981.
- Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.). Алматы: Ғылым, 1995.
- Хафизова К. Ш. Диалог цивилизаций на шелковом пути (исторические сюжеты). Астана: Ғылым баспасы, 2015.
- Баласагунский Ю. Благодатное знание / изд. подготовил С. Н. Иванов. М.: Наука, 1983.
- Amitai-Preiss R. *Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War*. Cambridge, 1995. P. 1260–1281.
- Smith J., Masson Jr. *Mongol Society and Military East: Antecedents and Adaptations. War and Society in the Eastern Mediterranean, 7th–15th Centuries* / ed. by Yaakov Lev. Leiden, 1997. P. 249–266.

REFERENCES

- Abuseitova M. Kh. *Kazakhstan i Tsentral'naia Aziia XV–XVII vv.: istoriia, politika, diplomatiia* [Kazakhstan and Central Asia in 15th–17th Centuries: History, Politics and Diplomacy]. Almaty: Daik-Press Publ., 1998. (In Russian)
- Abuseitova M. Kh. *Kazakhskoe khanstvo* [Kazakh Khanate]. Almaty: Shygys pen Batys Publ., 2020. (In Russian)
- Amitai-Preiss R. *Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War*. Cambridge, 1995, pp. 1260–1281.
- Zhdanovich O. P. *Posol'stvo Zemarkha v stavku Tiurkskogo kagana* (per. i komment. fragmentov truda Menandra Protektora) [Embassy of Zemarkh During Turk Kaganate (transl. and Comment. of Fragments of the works of Menandr Protektor)]. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2014, vol. 2 (4), pp. 6–20. (In Russian)
- Erofeeva I. V. *Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik* [Abulkhair Khan: Commander, Ruler, Politician]. Almaty: Daik-Press Publ., 2007. (In Russian)
- Kumekov B. E. *Gosudarstvo kimakov v IX–XI vv. po arabskim istochnikam* [Kimak State in 9th–11th Centuries According to Arabic Sources]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1972. (In Russian)
- Kazakhtyn kone tarikhy* [Ancient history of Kazakhs]. Ed. by M. Kani. Almaty: Zhalyn Publ., 1993. (In Kazakh)

- Langevishe D. Chto takoe voina? Evoliutsiia fenomena voiny i ee legitimnost' v novoe vremia [What is War? Evolution of the War Phenomena and It's Legitimacy in New Times]. *Ab Imperio*, 2001, vol. 4, pp. 7–28. (In Russian)
- Mazhidenova D. M. *Diplomatiicheskaia sluzhba v kontekste mirovoi politiki (s drevneishikh vremen do Venskogo reglamenta)* [Diplomacy in the Context of World Politics (From Ancient Times to Vien Reglament)]. Astana: Kyttegin Publ., 2003.
- Orazbaeva A. I. *Dasturli qazaq kogamyna tan biler insitutuy* [Biy Institution in the Traditional Kazakh Society] Almaty: Daik-Press Publ., 2005. (In Kazakh)
- Orazbaeva A. I. *Formula kazakhskoi gosudarstvennosti* [Formula of Kazakh Statehood]. Moscow: Press-book Publ., 2017. (In Russian)
- Orazbaeva A. I. Filosofia voiny kochevnikov Evrazii [The War Philosophy of the Eurasian Nomads]. *Edu. e-history.kz*, 2017, vol. 3 (11), pp. 166–176. (In Russian)
- Rakhmanaliev R. *Imperiia tiurkov. Velikaia tsivilizatsiia* [Turk Empire. The Great Civilization]. Moscow: Ripol klassik Publ., 2009. (In Russian)
- Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii. Khrestomatiia* [Comparative Analysis of Civilisations. Chrestomathy]. Ed. by B. Erasov. Moscow: Aspekt Press, 2001. (In Russian)
- Seleznev Iu. V. Russkie vnuki polovetskikh kniazei (k voprosu o polovetskikh rodstvennykh svyaziakh v politicheskoi bor'be na Rusi v 11 — pervoi polovine 13 vv.) [Russian Grandchildren of the Polovtsian Princes (On the Issue of Polovtsian Family Ties in the Political Struggle in Rus' in the 11th — First Half of the 13th Centuries)]. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2019, no. 7 (2), pp. 225–238. (In Russian)
- Suleimenov B. S., Basin V. Ia. *Kazakhstan v sostave Rossii v 17 — nachale 20 veka* [Kazakhstan as Part of Russia in the 17th — Beginning of 20th Century]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1981. (In Russian)
- Khafizova K. Sh. *Kitaiskaia diplomatiia v Tsentral'noi Azii (14-19 vv.)* [Chinese Diplomacy in the Central Asia (14th–19th Century)]. Almaty: Gylym Publ., 1995. (In Russian)
- Khafizova K. Sh. *Dialog tsivilizatsii na shelkovom puti (istoricheskie siuzhety)* [Dialogue of Civilization on the Silk Road (Historical Plots)]. Astana: Gylym baspasy Publ., 2015. (In Russian)
- Balasagunskii Iu. *Blagodatnoe znanie* [Blessed knowledge]. Ed. S. N. Ivanov. Moscow: Nauka Publ., 1983. (In Russian)
- Smith J., Masson Jr. *Mongol Society and Military East: Antecedents and Adaptations. War and Society in the Eastern Mediterranean, 7th–15th Centuries*. Ed. by Yaakov Lev. Leiden, 1997, pp. 249–266.

Submitted: 03.07.2023

Accepted: 11.09.2023

Published: 10.10.2023